

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН / METHODOLOGY AND METHODS OF TEACHING POLITICAL SCIENCE

Серия «Политология. Религиоведение»

2013, № 2 (11), ч. 1. С. 218–224

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

*Иркутского
государственного
университета*

УДК 24(091)

Политико-правовые и методологические аспекты курса «Политика и религия». Часть 2

И. А. Арзуманов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Во второй части статьи продолжается анализ методологических аспектов курса «Политика и религия». Рассматриваются его базовые положения, связанные с процессами либерализации принципов вероисповедной политики России XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: политика, религия, политическая система, государство, политические отношения, вероисповедная политика, культурный код.

Сам по себе синтез абсолютистских по форме и протестантских по сути средств вероисповедной политики имперского периода заслуживает особого политико-философского осмысления в свете поиска методологического прецедента в сфере религиозной политики России дня сегодняшнего. Макрометодологически вопрос ставится о специфике взаимосвязи следующих стержневых составляющих курса: государства и религиозных институтов как субъектов политической системы, государственного управления и государственного регулирования этноконфессиональной сферы. Ключевыми понятиями в данном ракурсе будут являться институты «свободы вероисповедания и «свободы совести», имеющие достаточно четко выраженную специфику своего становления.

Вопрос о компонентах политической системы Российской империи обусловлен тем, что в рамках правового регулирования этноконфессиональной сферой религиозное пространство четко стратифицировалось. Структура религиозного пространства определялась тем, что центральным звеном конфессионального спектра в имперский период являлась Русская православная церковь, положение которой было закреплено в основных государственных законах. С данным фактом необходимо увязываются общие методологические послы рассматривания специфики государственного управления в России имперского периода. При анализе нормативно-правовой базы необходимо учитывать, что специфика религиозной политики определялась фактом ее тесной взаимосвязи с национальной политикой. Основным маркером механизма регуляции данных сфер общественных отношений является принятие

решений непосредственно высшей законодательной и исполнительной властью государства в лице императора.

В данной системе Русская православная церковь являлась частью государственного аппарата, а вследствие реформ Петра I, имела в лице императора фактического главу своей иерархии. Институт православной церкви рассматривался в рамках проистекающего из протестантских моделей взаимоотношений государства и религиозных институтов прагматического утилитаризма как одно из средств преобразования России. В данном ключе особое внимание необходимо обратить также и на тот факт, что механизмы государственного регулирования общественных отношений включали в себя функциональный комплекс православной церкви и иных конфессиональных институтов. При этом, как свидетельствуют источники, интересы православной церкви и государства предопределяли их тесную взаимосвязь. Так, при изучении положений Указа 1721 г. по учреждению Духовной коллегии (Синода) следует обратить внимание на следующие ключевые моменты:

- упразднение института патриаршества, приведшее к потере церковью самостоятельности в вопросах управления;
- фактическое превращение православной церкви в часть государственного механизма, действовавшего на правах обычной коллегии (возглавляемого обер-прокурором);
- статусное приближение «духовного сословия» к чиновничьему (с получением государственного жалования).

Согласно тексту присяги членов Духовной коллегии царь приобрел статус не только главы церкви в ее административном, но и в сакрально-мистическом аспекте. Он «исповедывался крайним Судиею Духовных» каждого члена духовной коллегии и епископата [3, с. 542]. Присяга с данным положением из Духовного регламента принималась иерархией Русской православной церкви в течение последующих 200 лет. Она была упразднена Николаем II по представлению К. П. Победоносцева лишь в 1901 г. [6, с. 541–542]. Следует при этом учесть, что практика принятия присяги духовенством сохранялась в дальнейшем и в отношении представителей практически всех религиозно-конфессиональных институтов (например, ламаистского духовенства).

Анализ законодательства, касающегося правового положения православной церкви, свидетельствует о том, что правовые акты, лежащие в основе церковных реформ, были направлены на укрепление государственной власти и господствующей формы правления – абсолютной монархии. В связи с этим речь может идти и о политическом культурном коде России, имеющем в качестве основного маркера политической системы преемственность абсолютизма в различных исторических формах (абсолютизм неограниченный, просвещенный, партийный, советский, постсоветский и т. д. [8, с. 275]).

В дальнейшем от данных положений выстраивается методологический «мостик» к рассмотрению специфики форм государственного управления и на современном этапе. В имперский же период, согласно законодательству, на гражданскую и военную администрацию возлагались фискальные функ-

ции по контролю за исполнением подданными христианского долга (регулярное причащение, исповедование, посещение храма и пр.). В этом смысле Именной указ Петра I 1718 г., обязывающий священников подавать ведомости о неисповедовавшихся в «духовные приказы епархий» и «о взыскании с таких штрафа», является характерным образчиком нормативно-правовых актов подобного рода XVIII–XIX в. Указ определяет круг лиц, причастных к осуществлению фискальных функций в сфере свободы совести. Кроме членов клира к нему принадлежали старосты, приказчики, на которых возлагалась обязанность (в случаях противности указу) «подавать ведомости в губерниях губернатором и лантратом, а им по тем ведомостям таковым чинить наказание, а потом им ту исповедь исполнять же» [3, с. 539]. В случае неисполнения фискальных функций на членов православного клира возлагались соответствующие дисциплинарные взыскания вплоть до лишения священников сана: «А буде о тех, кто у исповеди не будет, а священник о том не донесет, и за такую ману взять на нем штрафа первой пять рублей, второй десять рублей, третьей пятнадцать рублей. А ежели потом явитца в такой же мане, и за то извержен будет священства» [3, с. 539]. В зависимости от результатов статистической отчетности по факту исповеди стояли избрание и назначение на должности «в бурмистры и во всякие службы». Однако необходимо иметь в виду, что несмотря на государственно-административные императивы абсолютизма, церковная реформа не была направлена против основ православия. Все преобразования, проводившиеся государственной властью, не затрагивали основ догматического учения.

По реформе Петра I, церковь должна была действовать как одно из государственных учреждений и в этом качестве обращаться к народу не только с увещеваниями, исходя из нравственных убеждений, но и издавать нормативно-правовые акты, неисполнение которых каралось силой государственного закона. В силу данного положения, существующего в течение всего синодального периода, все, что связано с социально-политической деятельностью религиозных институтов, должно интерпретироваться в качестве функциональных характеристик собственно государства. Абсолютистский принцип сказывался и в методах регулирования этноконфессиональной сферой общественных отношений в России начального периода реформ. Во многих своих внешних чертах они носили ярко выраженные протестантские признаки: гонения на колокола, запреты на приглашение священников в дом для служения вечерни или заутрени, постриг новых монахов, строительство часовен, монастырей. Реформой Петра I сократилась юрисдикция церковного суда, из сферы ведения которого были исключены такие дела, как посягательство детей на вступление в брак без воли родителей, кровосмешение, дела против веры и церкви. На духовенство распространялись налоги и повинности и осуществление контроля за переписью населения. Сложившийся в результате реформ Петра I принцип взаимоотношений церкви и государства наиболее характерно выражен в высказывании Екатерины II: «Уважать религию, но ни за что не допускать ее в дела государственные» [7, с. 191].

Появление и последующее укоренение в России религиозных инноваций иностранного происхождения, в основном протестантского и католического вероисповеданий, было обусловлено интересами безопасности страны, развития экономики и торговли, военного дела, реализуемых в рамках общей геополитической экспансии России. Экспансия осуществлялась не только в северо-западном, но и юго-восточном направлениях: начало XVII в. в истории России ознаменовалось притоком на государственную службу иностранцев из Европы. С этим же фактором связан и вопрос о веротерпимости, методологические основы которого закладывались также в этот период. Веротерпимость в понимании свободы отправления богослужения существовала в России с XVI в. Иностранным «гостям» не запрещалось собираться и молиться по обрядам своей веры. Эта свобода отправления и пребывания в вере предков нашла свое нормативно-правовое выражение в законодательных актах Петра I. Русское правительство начало приглашать иноземцев, чтобы перенять у них, прежде всего, военные навыки. Как отмечает М. Ф. Владимирский-Буданов, в России XVII в. всякий иностранец, приезжая служить, записывался в тот или иной разряд служилых людей, при этом он мог рассчитывать (как и российские дворяне) на получение поместий в специальных уездах и других привилегий дворянского сословия [2, с. 123]. Веротерпимость в широком смысле или свобода совести состоят в предоставлении каждому свободно исповедовать вероучение, считаемое им истинным, пока это исповедание не наносит вреда общественной нравственности и порядку.

Достаточно показательным в этом смысле представляется принятый в 1702 г. Манифест о вызове иностранцев в Россию [5, т. 4, № 1910], в котором говорится о введении в Москве свободного отправления богослужения «всех других, хотя с нашей церковью не согласных христианских сект», праве «каждому христианину на его ответственность пешись о блаженстве души своей». Согласно Манифесту разрешалось строительство культовых зданий для отправления богослужения иноверными лицами. Более того, объявлялось об обязанности государства не только охранять реализацию этих прав для гражданских чинов, но и обеспечивать их в военных подразделениях.

Эти же положения были зафиксированы и в регламенте Коммерц-коллегии 1719 г.: «Иностранцам, временно в России пребывающим, предоставляется полная свобода веры» [5, т. 5, № 3318]. Все новые подданные, а также приглашенные на российскую службу иностранцы, их дети и потомки получали свободу вероисповедания, в том числе устраивать кирки и содержать пасторов. «И буде при наших армиях отдельные офицеры или же целые корпуса, состоящие из полков и рот обретаются, при коих находятся проповедники, то и они имеют без сомнения пользоваться всеми теми выгодами, преимуществами и вольностями, каковыя мы даровали таковым церквам здесь в столице, в Архангельске и в иных местах; и каковыя не токмо что при отпращении настоящей проповедничей службы, но и при сподоблении Святых Тайн и других церковных требах, здесь употребительны; при чем мы, по просьбе таковых единоверцев, им дозволяем и в других местах строить новыя церкви» [5, т. 4, № 1910].

Данный манифест весьма характерен тем, что сфера судопроизводства иностранных специалистов создавала кроме всего прочего, прецедент рецепции норм правовых актов, соответствующих «земским ... законам, обычаям и нравам» выходцев из европейских стран. В нем были четко очерчены критерии принципа абсолютной политической лояльности. Учрежденная в этих целях особая Тайного военного совета коллегия «правосудия чинила, во-первых, по законам Божеским, а потом по римскому гражданскому праву и другим народным обычаям, милостиво, полагаясь на то, что притом наши царския преимущества, права и принадлежности всегда соблюдаемы будут» [5, Т. IV. № 1910]. В рамках отмечаемых тенденций в 1705 г. Петр I дал указание «для вольного употребления веры католической». При этом было разрешено строительство каменных костелов [9, с. 451]. До этого дозволялось жить в Москве двум ксендзам и отправлять богослужение по римскому обряду в домах, но с тем, «чтобы под именем тех ксендзов иезуиты в Москву не въезжали» [5, Т. III. № 13881]. В связи с присоединением Прибалтики, Шляхетству и земству Лифляндии, Эстляндии, отдельных городов (Риги, Ревеля, Пернова и др.) предоставлялись права исповедовать свою веру, отправлять в соответствии с ней обряды. основополагающий принцип отношения российской власти к римо-католической церкви на территории Российской империи, заложенный Петром I, соблюдался вплоть до 1917 г.: терпимое отношение к католикам при условии, опять же, их полной политической лояльности.

Дальнейшие реформы, затронувшие жизнь католической церкви в России, были определены Указом Екатерины II от 12 февраля 1769 г. [4, с. 282]. Указ устанавливал порядок выборов глав католических миссий в приходах под наблюдением секретаря Юстиц-коллегии. Высшей инстанцией при рассмотрении всех дел, связанных с католической церковью в России, был Сенат. Государственная модель взаимоотношений католических приходов в России с Римом, заложенная в этом указе, стала определяющей в политике России на последующие полтора столетия. В частности, католические священники в империи не могли именоваться миссионерами, так как им не разрешалось заниматься прозелитизмом [4, с. 282]. Этот аспект отмечается российской историографией и в отношении протестантизма. По замыслу Петра I, для облегчения государственного контроля над исповедованием протестантские приходы следовало объединить в единую церковь. Но, как отмечает В. А. Цыпин, «отдельные евангелические общины, лютеранские и реформатские оставались существовать до XIX в. сами по себе, без связи и без постоянного церковного правления, которое могло бы контролировать соблюдение общих интересов церкви по отношению к государству и решать спорные вопросы» [10, с. 410]. Впоследствии Устав 1832 г., изданный Николаем I, не только упорядочил лютеранское богослужение, но и конституировал лютеранско-евангелическую церковь на территории Российской империи.

По уставу 1832 г. лица лютеранского вероисповедания «ни в коем случае не позволяли себе нарушать каким бы то ни было образом доброго согласия с прочими религиями... и чтобы ни словами, ни каким-либо способом не побуждали других иноверцев к переходу в лютеранство». Более того, пасторы

обязывались следить за тем, чтобы «отклонять... просящих об их наставлении и принятии их в лютеранскую веру» [1, с. 11–12].

Но такая «свобода совести» не соответствовала духовно-нравственному идеалу русского народа, на протяжении веков видевшего в Русском государстве охранителя православной веры. В целом государство охраняло каноническую территорию внутренней миссии Русской православной церкви. Эти положения естественным образом определили в период XVIII–XIX вв. не только социокультурные, социополитические характеристики российского религиозного пространства, но и динамику последующих унификационно-интеграционных процессов. Поскольку вопросы миссии касались проблем социополитической стабильности общества в ее конфессиональной страте, то тактика имперской администрации предполагала корректировку доминантного положения православной миссии. В этом ключе Именной указ Екатерины II, данный сибирскому губернатору генерал-майору Чичерину 20 августа 1769 г., показателен тем, что в дальнейшем устанавливается один из самых сильных методологических приемов миссии Русской православной церкви, сложившийся благодаря позиции имперской администрации. В указе отмечалась недопустимость проповеди среди иноверцев без знания их языка (проблема со знанием языков автохтонных этносов являлась одной из самых острых в Восточной Сибири в течение XVII – начале XX в.) [5, т. 8, № 13336.]. В контексте унификационно-интеграционных интенций и в связи с социокультурными реалиями растущей империи, начиная с царствования Екатерины I проблемы упорядочивания межконфессиональных отношений выступают в неразрывной связи и с проблемами национальной политики.

Таким образом, реформы, проводимые в русле этатизации общественных отношений в эпоху абсолютной монархии, с одной стороны, ставили под жесткий административный контроль функционирование конфессиональных институтов, а с другой, способствовали формированию базовой структуры конфессионального поля России. Его расширение было вызвано социально-культурными, торгово-экономическими и военными факторами в общем русле российской геополитической «экспансии» (имеющей преимущественно восточный вектор и мирный характер). Вместе с этим шла выработка методологии вероисповедной политики, включающей в себя базовые компоненты института «свободы вероисповедания» для вошедших в общую имперскую иерархическую систему религиозно-конфессиональных институтов.

Абсолютистские интенции государственного этатизма, рассматриваемые в качестве политико-культурного кода, в социокультурной сфере имели свои локальные модификации в зависимости от общего уровня геополитической стабильности в том или ином регионе. Проблемы понятийного соотношения «свободы совести» и «свободы вероисповедания» решались в контексте преимущественного преобладания последнего. Если на западе, в европейской части страны, это касалось специфики регулирования процессов функционирования католической страты конфессионального спектра, то, в Восточно-Сибирском регионе определялось положением институтов ламаизма.

1. Буткевич И. Протестантство в России: из лекций по церковному праву / И. Буткевич. – Харьков : Епарх. Тип., 1913. – 240 с.
2. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – М. : Издат. дом «Территория будущего», 2005. – 798 с.
3. Законодательство о правовом положении церкви // Законодательство Петра I / отв. ред.: А. А. Преображенский, Т. Е. Новицкая. – М., 1997. – С. 515–605.
4. История религий в России : учебник / под общ. ред. Н. А. Трофимчука. – М. : РАГС, 2002. – 690 с.
5. Полное собрание Законов Российской империи. – СПб. : Тип. 2 Отд. Собств. Его Имп. Величества Канцелярии, 1830. – 1029, 12 с.
6. Присяга членов духовных коллегий // Законодательство Петра I / отв. ред.: А. А. Преображенский, Т. Е. Новицкая. – М., 1997. – С. 541–542.
7. Смолич И. К. История русской церкви : в 2 ч. / И. К. Смолич. – М., 1996. – Ч. 1 : 1700–1917 гг. – 800 с.
8. Тонков Е. Н. Толкование закона в Англии : монография / Е. Н. Тонков. – СПб. : Алетейя, 2013. – 346 с.
9. Цветаев Дм. Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках / Дм. Цветаев. – М. : Универ. тип., 1886. – 529 с.
10. Цыпин В. А. Церковное право : курс лекций / В. А. Цыпин. – М. : Круглый стол по религиозному образованию в Русской православной церкви, 1994. – 342 с.

Political, Legal and Methodological Aspects of the Course «Politics and Religion». Part 2

I. A. Arzumanov

Irkutsk State University, Irkutsk

The second part of the article continues the analysis of the methodological aspects of the course «Politics and Religion». The article considers its basic provisions related to the liberalization of the confessional policy guidelines in Russia in the 18–19th centuries.

Key words: politics, religion, political system, state, political relations, confessional policy, cultural code.

Арзуманов Игорь Ашотович – кандидат философских наук, доктор культурологии, кафедра теории и истории государства и права Юридического института Иркутского государственного университета, 664082, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10–220, тел. 8(914) 9384607, e-mail: arzumanov@mail.ru

Arzumanov Igor Ashotovich – Candidate of Philosophical Sciences, Doctor of Culturalology, the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute of the Irkutsk State University. 664082, Irkutsk, Ulan-Batorskaya St., 10–220, phone: 8 (914) 9384607, e-mail: arzumanov@mail.ru